ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПСИХОЛОГИИ

УДК 159.9

Метамодернизм в психологии: новые методологические стратегии и изменения субъективности

М. С. Гусельцева

Психологический институт Российской академии образования,
Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, 9, стр. 4

Для цитирования: *Гусельцева М. С.* Метамодернизм в психологии: новые методологические стратегии и изменения субъективности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2018. Т. 8. Вып. 4. С. 327–340. https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.402

Осмысляемые в новых движениях философии и искусства трансформации современности служат средством культурно-психологического анализа изменяющейся субъективности человека. Основой модернизма являлась классическая рациональность, производящая логоцентризмы и универсальные дискурсы. Вплоть до XX в. развитие человека сопровождали социальный оптимизм, вера в упорядоченность мира, прогресс и разум. Постмодернизм выступил отрезвляющей прививкой от тотальности дискурсов, возродил принцип сомнения, воззвал к критическому разуму. Однако для анализа психологии наших дней постмодернистский дискурс устарел, не улавливая текущие изменения. На смену пришел метамодернизм, фиксирующий трансформации современности более тонко и точно. В отличие от постмодернизма, он стремится не переосмыслить, а пережить мир заново и целостно. Если постмодернизм упрекали в антиисторизме, где тотальные дискурсы потеснила гипертекстуальность, то метамодернизм чувствителен к изменяющимся социокультурным контекстам, укоренен в историю и культуру, самоосмыслен как культуральное явление. В статье проанализирована новая для психологической науки методологическая стратегия метамодернизма, представляющая колебание между двумя полюсами, в частности модерном и постмодерном, при одновременном использовании их представлений и практик. Основой стратегии выступает принцип осцилляции, методологический смысл которого во взаимосогласованной интеграции знания при одновременном освобождении от застывших и жестких эпистемологических традиций. Преодолевая линейные и одномерные конструкции, метамодернизм использует каждую из них ситуативно, в локальном контексте, в конкретности случая, делая концептуальное разнообразие гибким инструментарием исследователя. Метамодернистское мировосприятие конструирует новые образы человека. Психологические черты и феномены метамодерна описываются

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2018

как виртуальность, интерактивность, дигитальность, приоритет ценностей самовыражения, повседневности, возрастание доверия, искренности, солидарности. Эти черты, представленные в разных концепциях, предстоит осмыслить как целостное мировоззрение эпохи. В качестве методологической стратегии метамодернизм есть стихийный ответ на вызовы сложности, многомерности и транзитивности современного мира.

Ключевые слова: методология, психология современности, постмодернизм, метамодернизм, субъективность, трансдисциплинарность.

Современная наука покидает берега отдельных дисциплин, и в этом потоке трансдисциплинарного дискурса новые исследовательские стратегии в психологии нередко возникают на стыке конкретно-научного, социогуманитарного и общефилософского познания. Внимание самых разных исследователей привлекают такие особенностями нашего времени, как разнообразие жизненных стилей субъекта, конструирование идентичности, смешивание (гибридизация) теоретических концепций и каскады эпистемологических поворотов (turns), а также феномены поляризация и антиномии: быстроты изменений и оборонительных консервативных трендов, непрестанного обновления знания и столь же стремительного устаревания полученных данных [1].

Цель статьи — рассмотреть формирующиеся методологические тенденции, связанные с текущими эпистемологическими поворотами в области философского и социогуманитарного знания, а также перспективы влияния метамодернистского поворота на развитие психологических исследований.

Несмотря на то что с начала XXI в. обсуждаемым в философии и методологии науки, в исследованиях культуры являлся вопрос, какие интеллектуальные движения приходят на смену постмодернизму, и среди них особенно выделился *метамодернизм* [2–4], в российской психологии до последнего времени не доставало работ, посвященных анализу современных методологических тенденций в целом, горизонтам и ограничениям метамодернистского дискурса в частности. Одним из первых возможности развития психологии «на основе культурной платформы метамодернизма» стал рассматривать А. А. Гребенюк [5]. В статье Ю. Б. Турушевой методологическая стратегия метамодернизма прослеживается в неотрефлексированной практике нарративного подхода: в качестве сочетания исследовательских позиций модернистских и постмодернистских теорий, соотнесения роли субъектности и дискурса, самодетерминации человека и воздействия на его развитие культурных норм [6].

Помимо Р. ван ден Аккера и Т. Вермюлена [2; 3], которые считаются основоположниками данной методологической стратегии, важные положения в дискуссию о метамодернизме внес Л. Тернер — автор метамодернистского манифеста [7; 8]; лаконичное изложение десяти базовых принципов метамодернизма предложил С. Абрамсон [9]. В русскоязычном электронном журнале “Metamodern” представлены ведущие статьи, переводы, интервью и иные материалы на данную тему [10].

Основная методологическая находка метамодернизма — *осцилляция*, прием, осмысливающий сложные реальности посредством интеллектуального «раскачивания» (маятниковой спирали, где в движении «туда-и-обратно» нарастающие круги смыслов и интерпретаций производят новый гештальт). В уже упомянутой статье Ю. Б. Турушевой это удачно продемонстрировано посредством удержания

различных эпистемологических позиций в рамках нарративного подхода (совмещение в едином плане анализа самодетерминации субъекта, авторства его собственной жизни и детерминирующего влияния как доязыкового опыта, так и разнообразия социальных дискурсов) [6].

Стремление к концептуальной и парадигмальной интеграции знания, преодоление односторонних подходов и дихотомий, совмещение несовместимого — нерв поисков современной методологии в анализе усложняющейся социокультурной и психологической реальности. Разумеется, схожие тенденции, не охваченные фокусом методологической рефлексии, задолго до появления метамодернизма присутствовали в качестве латентных мыслительных традиций. Античная диалектика, даосская логика, метод антиномий И. Канта — все это интеллектуальные стратегии, стремящиеся к постижению сверхсложных феноменов в их целостности и полноте. Р. Мартин, развивая представления об интеграционном мышлении, использует в качестве эпиграфа к своей книге высказывание Ф. С. Фицджеральда: «Наилучшей проверкой выдающегося разума является способность одновременно держать в уме две противоположные идеи и сохранять при этом способность к функционированию» [11, с. 12]. Таким образом, принцип одновременного схватывания конфликтующих положений не только существовал до и помимо метамодернизма, но и указывал на возрастание когнитивной сложности в анализе той или иной проблемы. В этом ракурсе появление метамодернизма в качестве методологической стратегии, отвечающей на рост разнообразия, сложности и транзитивности мира современного человека, явилось очередным и вполне логичным этапом эволюции научного знания [12].

Психология между постмодернизмом и метамодернизмом

В психологии рубежа XX–XXI вв. естественным образом сложилась традиция учитывать в исследованиях изменения современности [13]. Психология более не редуцирует свой предмет до психики, деятельности и субъекта, но это психика, развивающаяся в деятельности, личность в истории и культуре, идентичность в контексте социокультурных изменений. Более того, прирастая кругами аналитической сложности, психология стремится рассматривать целостного человека, живущего и действующего одновременно как в ближайшем повседневном окружении, так и в глобальном мире. Важное направление в методологических поисках российской психологии занимают подходы, пытающиеся изучать современность в ее текучести и транзитивности [14].

Однако большинство концепций, описывающих современность и ее изменения, рождены не внутри психологии. Их появление относится к сферам философии, методологии, исследований культуры и социогуманитарных наук. Наиболее тонко и оперативно трансформации современности отслеживают течения и движения искусства. Здесь текущие изменения пытаются концептуально осмыслить, прибегая к понятиям «дигимодернизм» [15; 16], «трансмодернизм» [17], «перформатизм» [18], «альтермодернизм» [19], «гипермодернизм» [17] и др.

Каждое из новых течений искусства и философского дискурса, подобно увеличительному стеклу, выделяет и фиксирует определенные характеристики эпохи. Так, постмодернизм выступил вехой культурно-психологических трансформаций

последней трети XX в., рефлексивным завершением мира модерна. Он отразил, зафиксировал и осмыслил такие характеристики современности, как нестабильность, изменчивость, лабильность, текучесть, сензитивность к контекстам и т. п. Начиная с 1990-х годов в зарубежной науке велись дискуссии, что это интеллектуальное движение означает для психологии [20]. Оно не предложило новых и значительных психологических концепций, его эпистемологическое воздействие описывалось как постмодернистская критика, усиление принципов релятивизма, скептицизма, методологического сомнения[1]. Однако сегодня, относясь к постмодернизму уже в исторической перспективе, следует обратить внимание, что его воздействие и интеллектуальная работа имели определенный временной лаг: посеянное постмодернизмом после его ухода со сцены проявилось в новых концепциях меняющейся субъективности человека. Именно это фиксирует Н. Б. Маньковская в ремарке: *мода на постмодернизм прошла, а явление осталось* [21]. Будучи растворено в повседневности, оно с трудом попадает в поле нашего зрения. Постмодернизм остается действующим в психологии в качестве латентной функции — как жизненный контекст развития субъекта, как методология изучения повседневности и современности [22].

Не столь очевидны такие продуктивные тенденции постмодернизма, как сверхрефлексивность и синтетичность, а также его эволюция в новые формы. В этой связи важно обратиться к осмыслению того, что в окружающем психологию интеллектуальном и социокультурном пространстве появилось множество концептуализаций *постпостмодернизма* (данный термин мы используем как обобщающее название течений, пришедших на смену постмодернизма).

Потребность интеллектуального обновления в исследованиях человека, предчувствие трансформации его субъективности и современности М. Н. Эпштейн отразил в конструкте *протеизм*. «Умонастроение начала XXI века я бы определил как “прото-” (от греч. protos — первый, начальный, ранний, предварительный). Прото- — это смиренное осознание того, что мы живем в самом начале неизвестной цивилизации… что все наши славные достижения — это только слабые прообразы, робкие начала того, чем чреваты инфо- и биотехнологии будущего» [23]. Удачно найденный термин передавал целое поле значений: оппонирование префиксу *пост-* — устремленность в неопределенное будущее, а не подведение итогов; неоформленное состояние становления, эскизность; антиномичность, сочетание эмбриональности и архаичности («мы — эмбрионы будущих цивилизаций, и одновременно мы — их древнейшие реликты» [23]); принцип транзитивности, отсылающий к мифологической фигуре Протея; «подвижность и текучесть, аморфность и полиморфность» [23].

Уже упомянутый *перформатизм* (performatism) — концептуализация Р. Эшельмана, который поставил проблему сохранения идентичности в трансформирующейся реальности; отметил происходящий разрыв вещей и их значений (сегодня мы могли бы сделать более широкое методологическое обобщение: в трансформирующейся реальности самые разные вещи оказываются не тем, чем кажутся); определил ведущие черты новой эпохи: синтез наглядности и акторности, где на смену

[1] Пожалуй, его основные достижения можно определить так: изменение психологического дискурса в плане чувствительности к иным аспектам изучаемой реальности; понимание, что для описания новых аспектов изменившегося мира (и субъекта в этом мире) необходимо обновление терминологии и преодоление когнитивных ограничений сложившихся схем мышления.

аргументации и доказательствам пришла презентация [18]. В *трансмодернизме* (transmodernism, transmodern) в фокусе внимания оказалось совмещение модернизма и постмодернизма в описании сложной идентичности, которой необходимо определиться относительно глобального мира [17]. Ключевой идеей *автомодернизма* (auto-modernity) выступила антиномия автономии личности и автоматизации ее жизненного пространства [19]. *Гипермодернизм* (hypermodernism) стремился охарактеризовать подвижное, гибкое и текучее общество, ускользающее от ранее известных принципов структурирования современности, где повседневность разворачивалась в напряжении, с одной стороны, привычек к гиперпотреблению и гедонизму, а с другой — имплицитной тревоги, спровоцированной жизнью в лишенном традиций и неопределенностью будущего мире [17, p. 156–170].

Дигимодернизм (digimodernism, digital modernism — цифровой модернизм) сделал акценты на роли Интернета в трансформациях современности, воздействии на мир человека цифровой среды. В концептуализации А. Кирби информационные технологии радикально трансформируют субъективность, сознание и деятельность, представления об авторе и читателе (стирание границ), о тексте (эфемерность, нестабильность, изменчивость во времени, лаконичный формат, выраженный в твитах и sms), практики взаимодействия с текстом, активность зрителя, желающего воздействовать на произведение искусства, участвовать в конструировании реальности[2] и т. п. Новая текстуальность открыта, ситуативна, лабильна, расплывчата, с неоформленными границами [15]. При этом первоначальным термином *псевдомодернизм* данный автор обозначил отдельно высвеченный негативный аспект дигимодернизма [16]. Концепция псевдомодернизма фокусировала такие черты сменившейся эпохи, как невежество, фанатизм и беспокойство. Если модернизм в психологическом ракурсе сопровождали неврозы, постмодернизм — самовлюбленность и ирония, то для псевдомодернизма характерны такие феномены, как имитации (вытеснение реальности фейками или символами) и состояние транса. Интернет, мобильная связь, интерактивное телевидение, по утверждению А. Кирби, лишают человека сосредоточенности и глубины [16].

Две эти концептуализации (псевдомодернизм и дигимодернизм) в лице одного автора явили интерпретации в оптике пессимистического и оптимистического взглядов на происходящие изменения (соответственно, ценности выживания и ценности развития — в терминологии Р. Инглхарта [24]). Такая двойственность неудивительна. Ведь негативные изменения культуры, трансформации привычной и уютной для человека окружающей среды — первое, что бросается в глаза. В дальнейшем приходит рациональное осмысление и понимание, что новое и изменяющееся не тождественно негативному. Например, не следует отождествлять конец привычного жизненного мира с закатом цивилизации. Идентичность человека с определенным временным лагом подстраивается под изменения, а повышенная рефлексивность (осознанность и методологическая грамотность) становится способом справиться с жизнью в принципиально новой информационной среде. Потребителю информационной культуры легче предъявить потенциальные риски и угрозы, нежели ориентировать его на развитие. Однако для субъекта и актора устраша-

[2] Отметим, что запрос на активное участие граждан в жизни государства фиксируют и политологи в качестве глобального тренда демократизации (подчеркнем также, что глобальные тренды действуют на всех, но распределены неравномерно, а потому проявляются по-разному) [26].

ющее производство симулякров, фейков и феноменов постправды имеет побочным эффектом закаливающий тренинг критического мышления. Так, подрастающие поколения, социализирующиеся в информационной культуре, конструктивно используют ее развивающие возможности и стихийно вырабатывают этику, радикально отличную от смотрящих телевизионные программы родителей. В то же время это не ведет к пресловутому конфликту «отцов» и «детей», а создает гетерогенность и неоднородность современности [25]. Подобного рода процессы затрагивают и само исследовательское сознание, в котором за последние десятилетия изменились ценностные предпосылки в изучении дигитальной среды: от угроз, рисков и акцентов на безопасности к развитию и открытию новых возможностей для человека.

Н. Буррио, французский философ, курирующий выставки актуального искусства, развивает концепцию *альтермодерна* (altermodern, altermodernisme, altermodernity — другой модерн), основная идея которой заключается в смешивании и эпистемологическом переводе культурных ценностей, в «перезагрузке» культуры. Проблему антиномий современности он обсуждает в категориях унификации и идентификации, когда единообразие массового производства сочетается с самобытностью местного колорита. Н. Буррио полагает, что на вызовы современности невозможно дать глобальный ответ, но — множество ответов на конкретные ситуации («архипелаг локальных реакций»). Он показывает, что *на смену линеарности приходит модель лабиринта*, а на место сомнения — решительность поступка, ведущего к чему-то иному. Он вводит понятие «креолизация» (creolisate), означающее тенденцию ко всеобщему смешению. *Смешение и смещение — ключевые признаки новой эпохи.* Н. Буррио пользуется также французским термином «радикант» (radicant), являющимся, несмотря на сходство звучания, противоположностью радикализму: принадлежность корням и одновременное движение вперед по принципу плюща. Он подчеркивает значение темпоральности: если географическое пространство человечеством практически изведано, то время — нет. *Альтермодерн создает ситуации пограничья, в которых гетерогенность представляет собой множество соединенных темпоральностей.* В качестве латентной методологии сетевой подход выступает имплицитной основой для практик современного искусства, когда для реализации того или иного проекта создаются объединения людей, а после решения поставленных задач они рассеиваются и растекаются в иные проекты. Если ведущей фигурой в концептуализациях информационного общества был интеллектуал, то Н. Буррио выводит на передний план художника, для которого существовать в современности означает быть кочевником, перемещаться по различным культурным мирам. *Альтермодерн усиливает мобильность человека в пересечении разного рода границ и многослойность современного мира с его переплетениями и разнообразием пространственно-временных конфигураций* [27; 28].

Подытоживая краткий обзор пришедших на смену постмодернизму течений, обратим внимание на разнообразие метафорических конструктов, фокусирующихся на тех или иных трансформациях современности. Практически во всех подходах подчеркивались ситуативизм, антиномичность, сложность, мобильность, концептуальное смещение и смешивание. Однако наиболее ярким выразителем сменяющегося тренда стал *метамодернизм,* рассматриваемый нами в качестве эпистемологии, рожденной в ответ на вызовы сложности и разнообразия современного мира [12].

Метамодернизм в философии и психологии: ответ на вызовы многомерности и транзитивности современного мира

Первопроходцами в концептуализации метамодернизма выступили нидерландские философы Т. Вермюлен и Р. ван дер Аккер, утверждавшие, что метамодернизм — общекультурный стиль эпохи, выразивший решительность нового поколения интеллектуалов в преодолении кризиса современности [2; 3]. «В метамодерне… кончается постмодернистское ощущение стабильности и перманентного прогресса. Мы движемся в направлении, которое нам до конца неизвестно, но которое ставит на карту очень многое, будь то экономические проблемы, или экологические катастрофы, или фашистские настроения во многих западных обществах и подъем правого популизма. <…> История вновь движется вперед, все находится в колебании, постоянном движении, расшатывании — все, что нам казалось знакомым и постоянным, все, чего мы достигли или создали» [29].

Метамодернизм уловил ощущение усталости от современности, общий запрос на перемены выразился в крайностях как правого популизма, так и радикализации левых идей. При этом осмысление метамодернизма сразу же натолкнулось на методологическую проблему — отсутствие «внятных терминов… необходимых нарративных инструментов или дискурсивного навыка для описания того, каким мы хотим видеть свое будущее» [29]. Тем не менее метамодернистская эпистемология является удачной интегрирующей концептуальной рамкой для сетевой неструктурированности, мышления посредством антиномий, эпистемологии сложности и латентности. Ведущей метамодернистской стратегией становится сочетание продвижения и раскачивания (“We must go forth and oscillate” [8]). Подобно маятнику, метамодернизм балансирует между модернизмом и постмодернизмом, держа в творческом напряжении эти полярности. Хронотоп метамодернизма одновременно упорядочен и неупорядочен (возвращая к «коту Шрёдингера»). Согласно Р. ван дер Аккеру, суть диалектики метамодернизма «в осцилляции, в непрекращающемся расшатывании и преодолении устойчивых позиций» [29].

Метамодернизм — интеллектуальная стратегия, превращающая «или/или» в *принцип «и/и»* (ср.: [11]), где одновременность восприятия противоположностей достигается за счет раскачивания, челночного движения «туда и обратно». Не выбор того или иного полюса, а понимание пульсации мира, где напряжение антиномий есть норма жизни. В этой связи *метамодернизм предлагает новый взгляд на взаимоотношения теории и практики в психологии,* интеграции и дифференциации знания, естественно-научных и гуманитарных ориентаций науки. Принцип незавершенности обрисовывает перспективу бесконечности колебаний в процессе развития, но каждый раз в результате творческого усилия появляется конкретный ситуативный продукт. Здесь усилен просматривающийся уже в постмодернизме *принцип децентрализации (самоорганизации)*[3] *и творческой активности субъекта*: «Происходит рост психологической дисциплины. Ослабление внешних норма-

[3] Не углубляясь в детали, обратим внимание на взаимосвязь внешней децентрализации и внутренней самоорганизации, что в историко-политическом плане приводит к автономии личности и гражданской ответственности, а в психологическом — к самостоятельности и личностной зрелости субъекта.

тивных ограничений… приводит к увеличению потребности в самодисциплине, используя внутренние механизмы и поиск соответствующих способов осуществления этой самодисциплины» [30]. Одного колебания, удержания в умственном напряжении противоположностей недостаточно, необходимо усилие творческого синтеза, взывающее к активности субъекта. В напряженном процессе осцилляций *субъект вынужден порождать новое*. Так, креативность, способность к синтезу разнородных идей становится требованием к компетентностям человека в описываемой метамодернизмом современности. Если перед постмодернизмом стояла задача вырваться из тотальности окутывающих сознание дискурсов, то метамодернизм есть самоорганизация творческой активности субъекта и социализация в ходе преодоления антиномии и производстве собственного интеллектуального продукта.

Человеческой психике, приученной к закону исключения третьего, трудно справиться с когнитивной сложностью одновременного охвата разных уровней реальности; субъекту приходится осциллировать, колебаться, меняя интеллектуальные фокусы внимания, словно в гештальт-изображении «кролик» или «утка». Однако картинка предлагает лишь два возможных изображения, тогда как задача метамодернистской методологической стратегии — сконструировать целостный, многомерный, объемный (в том числе трансдисциплинарный) предмет, при одновременном понимании тщеты удержать эту целостность в быстроте текущих изменений.

Иллюстрацией сложного мышления в преодолении антиномий служит наблюдение из сферы социальных наук, где в ходе развития информационного общества обнаружилось, что тоталитарное государство (описанное Дж. Оруэллом в качестве «Большого брата») и открытое государство (open government, оперирующее open data) равным образом функционируют на основе прозрачности и транспарентности. Эти два типа государства, рассматриваемые прежде как антагонисты (в одном случае тотальный контроль, недоверие и централизация, в другом — всеобщая прозрачность, доверие и самоуправление), предстали участниками единого информационно-технологического процесса, где смешались полярности. Так, в современной реальности гражданин (субъект) прозрачен для государства, корпорации, социальной сети, но одновременно и государства, корпорации и социальные сети становятся прозрачными для граждан. Иными словами, транспарентность здесь — осциллирующее, взаимосвязанное движение (по принципу герменевтического круга Ф. Ницше: *чем больше субъект всматривается в бездну, тем больше бездна вглядывается в него*). Чем интенсивнее государство и корпорации собирают персональную информацию о гражданах, тем в большем объеме гражданам доступна информация о корпорациях и государстве [26; 31]. В методологическом же плане эта антиномичность повседневности, это единство, казалось бы, противоположных процессов служит примером стихийной трансдисциплинарности, нового типа методологического мышления — сложного синтетического, соединяющего холистические и аналитические перспективы в образе текущей жизненной реальности. В психологическом плане исследований это нашло отражение в антиномии социализации и индивидуализации, универсального и уникального: чем глобальнее становится мир, тем интенсивнее в нем происходит индивидуализация человека [12]. Таким образом, мы можем сформулировать некую новую тенденцию синтетического мышления — к *целостности через антиномии*. Многомерность и ситуативность

анализа повседневности, смешанные методы и методологии, «межпарадигмальные мосты» [32–34] — все это эпистемологические проявления метамодернистского этапа в психологии.

Для психологии метамодернизм становится более тонким инструментарием анализа субъективности, создает аналитические конструкты, показывающие, как каждый раз заново и по-разному может быть сконфигурирован видимый мир, вскрывает археологические слои текущей информационной культуры, выявляет неоднородность сознания, пребывающего в современности и одновременно укорененного в многослойности исторических эпох. Будучи растворен в настоящем, метамодернизм является латентным содержанием современности, однако обращенным не в прошлое — в плане реконструкции, а в будущее — в плане предвосхищения.

Зыбкие и неочевидные проявления метамодернистского сознания исподволь меняют нашу идентичность, однако как обывателю, так и исследователю довольно трудно выделить текущие изменения: то, что явно обнаруживается в исторической перспективе, выступает нечетким и расплывчатым в современности. Именно поэтому философские и общегуманитарные концепции, новые движения искусства являются той оптикой, которая помогает отследить неочевидные трансформации нашей повседневности. Примерами конструктов, фиксирующих текущие изменения и осмысляемых как феномены метамодернизма, становятся *новая искренность* (преодолевающая идеологическую наивность модернизма, иронию и циничный скептицизм постмодернизма); *новая рациональность* (возврат к научной рациональности, учтя ее критику); *постистория* (осмысление и созидание, когда посредством иронии маркируются актуальные проблемы современности); *прагматичный неоромантизм* (предполагающий не путь от культуры полезности к культуре достоинства [35], а стремление продуктивно использовать две культуры); *постправда* (как принуждение субъекта к саморазвитию критического мышления); *транспарентность* и целый ряд состояний «транс-» — *трансгендер*, *трансгрессия* (растворение, преодоление границ), *трансгуманизм* (расширение психических и физических возможностей человека посредством научно-технических достижений), *трансмиссия* и т. п.

Метамодернистское мироощущение предлагает более спокойный и уверенный, оптимистический взгляд на происходящие перемены. Так, в коротком горизонте планирования современного человека (особенно подрастающих поколений) метамодернистская оптика усматривает адаптивный позитивный смысл, поскольку в потоке стремительно изменяющейся и непредсказуемой жизни долгосрочные перспективы оказались бы ригидными и эволюционно не обоснованными: нельзя запланировать неожиданность, регламентировать спонтанность и творчество. В этом ракурсе укоротить горизонты планирования и перенести эпицентры внимания в настоящее — здоровая реакция психики человека на трансформации современности. В социально-психологическом плане этому тренду соответствуют категории «качество жизни» и «самовыражение» (*новый гедонизм*); в эпистемологическом плане — возникновение психологии повседневности, делающей аналитически значимым ближайшее окружение, малые культурные традиции, территориальную идентичность и т. п.

Вместо заключения: смешанные методы и методологии

Значение метамодернизма как эпистемологической стратегии в психологии заключено в возможности более тонко и точно отрефлексировать текущие изменения субъективности и идентичности человека. Наряду с этим, метамодернизм значим методологически, поскольку тренирует нашу способность посредством антиномий мыслить мир целостно, во взаимной обусловленности противоречивых тенденций, концептуально «прошивать» разные, на первый взгляд, несовместимые идеи, ситуативно использовать одни аналитические конструкты в качестве средства для интерпретации и интеграции других конструктов.

Эволюция современных социокультурных и интеллектуальных движений в целом подчинена *принципу смещения и смешивания,* образуя сложную динамику (от линеарности к многомерности, гетерогенности и многослойности; от устойчивых трендов к непредсказуемым сдвигам; от четких линий к едва заметным и запутанным узорам). Закономерности, установленные в пределах одной или даже нескольких аналитических перспектив, которые прежде мы могли успешно экстраполировать в отсутствие иных тенденций, в трансдисциплинарной ситуации именно вследствие обнаружения последних и в результате их взаимодействия и смешивания создают непредвиденные системные свойства, делая общую картину более разнообразной, противоречивой и зыбкой.

Метамодернистская эпистемологическая стратегия стремится удержать в анализе совокупность и противоречивость развивающихся процессов, преодолевая известное когнитивное сопротивление: гораздо проще прослеживать линейные тенденции, устанавливать причинно-следственные (каузальные) связи, в то время как смешанные методы и методологии формируют иную (сетевую) логику, побуждая к развитию эпистемологии сложного мышления (подробнее об этом: [12; 33]).

Литература

1. Психологическое знание: современное состояние и перспективы развития / под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: ИПРАН, 2018. 716 с.
2. *Vermeulen T., van den Akker R.* Notes on metamodernism // Journal of Aesthetics and Culture. 2010. Vol. 2. P. 1–14.
3. *Vermeulen T., van den Akker R.* Utopia, Sort of: A Case Study in Metamodernism // Studia Neophilologica. 2015. Vol. 87 (1). P. 55–67.
4. Metamodernism: Historicity, Affect, and Depth after Postmodernism / eds R. van den Akker, A. Gibbons, T. Vermeulen. London: Rowman & Littlefield International, 2017. 304 p.
5. *Гребенюк А. А.* Основы метамодернистской психологии // Metamodern: журнал о метамодернизме. 2017. URL: http://metamodernizm.ru/metamodernism-psychology/ (дата обращения: 24.12.2017).
6. *Турушева Ю. Б.* О тенденциях метамодернизма в нарративном подходе // Вопросы психологии. 2018. № 2. С. 19–26.
7. *Turner L.* Metamodernism: A Brief Introduction // Berfrois. 2015. URL: http://www.metamodernism.com/2015/01/12/metamodernism-a-brief-introduction/ (дата обращения: 24.12.2017).
8. *Turner L.* Metamodernism // Manifesto. 2011. URL: http://www.metamodernism.org/ (дата обращения: 24.12.2017).
9. *Abramson S.* Ten Basic Principles of Metamodernism // The blog. 2015. URL: http://www.huffingtonpost.com/seth-abramson/ten-key-principles-in-met_b_7143202.html (дата обращения: 24.12.2017).
10. Metamodern: журнал о метамодернизме. URL: http://metamodernizm.ru (дата обращения: 14.08.2018).
11. *Мартин Р.* Мышление в стиле «И». Как мыслят успешные лидеры. М.: Юрайт, 2016. 228 с.

12. *Гусельцева М. С.* Принцип развития в современной психологии: вызовы полипарадигмальности и трансдисциплинарности // Разработка и реализация принципа развития в современной психологии / под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: ИПРАН, 2016. С. 31–51.

13. Психология неопределенности и вызовы современности [Спецвыпуск] // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 40. URL: http://psystudy.ru (дата обращения: 09.08.2018).

14. *Марцинковская Т. Д.* Современная психология — вызовы транзитивности // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 42. URL: http://psystudy.ru (дата обращения: 11.08.2018).

15. *Kirby A.* Digimodernism: How New Technologies Dismantle the Postmodern and Reconfigure Our Culture. New York; London: Continuum, 2009. 282 p.

16. *Kirby A.* The Death of Postmodernism and Beyond // Philosophy Now. A magazine of ideas. 2006. Iss. 58. Now/Dec. URL: https://philosophynow.org/issues/58/The_Death_of_Postmodernism_And_Beyond (дата обращения: 18.01.2018).

17. Supplanting the Postmodern: An Anthology of Writings on the Arts and Culture of the Early 21st Century / eds D. Rudrum, N. Stavris. New York: Bloomsbury Academic, 2015. 336 p.

18. *Eshelman R.* Performatism, or the End of Postmodernism // Anthropoetics: The electronic Journal of Generative Anthropology. Fall 2000. Winter 2001. Vol. 6, N 2. P. 1–17.

19. *Samuels R.* Auto-Modernity after Postmodernism: Autonomy and Automation in Culture, Technology, and Education // Digital Youth, Innovation, and the Unexpected / ed. by T. McPherson. Cambridge, MA: The MIT Press, 2008. P. 219–240.

20. Psychology and postmodernism / ed. by S. Kvale. London: Sage Publ., 1994. 240 p.

21. *Бычков В. В., Маньковская Н. Б.* Постмодернизм как парадигма: конец или начало? // От искусства оттепели к искусству периода распада империи / под ред. Н. А. Хренова. М.: Государственный институт искусствознания; «Канон+»; РООИ «Реабилитация», 2013. С. 629–661.

22. *Гусельцева М. С.* Эстетическая парадигма и трансформации повседневности: методологические аспекты // Психологические исследования. 2018. Т. 11, № 60. URL: http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n60/1598-guseltseva60.html (дата обращения: 15.08.2018).

23. *Эпштейн М. Н.* De'but de siecle, или От пост- к прото-. Манифест нового века // Знамя. 2001. № 5. URL: http://magazines.russ.ru/znamia/2001/5/epsh.html (дата обращения: 17.05.2017).

24. *Инглхарт Р.* Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М.: Мысль, 2018. 347 с.

25. *Мороз О. В.* «Я считаю интернет правом, мои родители — скорее зависимостью» // Газета.Ru, 2017. URL: https://www.gazeta.ru/comments/2017/08/18_a_10837418.shtml (дата обращения: 11.08.2018).

26. *Шульман Е. М.* Искусственный интеллект — страшная цель человечества // ТВ Культура, 2017. URL: https://www.youtube.com/watch?v=QakmezfpWbc&frags=wn (дата обращения: 10.08.2018).

27. Altermodern: A Conversation with Nicolas Bourriaud // Art in America. 2009. URL: http://www.artinamericamagazine.com/news-features/interviews/altermodern-a-conversation-with-nicolas-bourriaud/ (дата обращения: 24.05.2017).

28. *Bourriaud N.* Altermodern // Tate Triennial. 2009. URL: http://dnwilliams.com/altprod/readings/bourriaud_altermodernism.pdf (дата обращения: 24.05.2017).

29. Интервью с Робином ван ден Аккером // Metamodern: журнал о метамодернизме. Март, 2017. URL: http://metamodernizm.ru/robin-van-den-akker/ (дата обращения: 20.05.2017).

30. *Базаргани Д. Т., Ларсари В. Н.* «Постмодернизм»: может ли современная ситуация быть описана термином «постмодерн»? Реферативный обзор постмодернизма и его критики в современных дидактических программах // Журнал «Гефтер», 2015. URL: http://gefter.ru/archive/14194 (дата обращения: 20.05.2017).

31. *Schauer F.* Transparency in Three Dimensions // University of Illinois Law Review. 2011. Vol. 4. P. 1339–1358.

32. *Гришина Н. В., Костромина С. Н.* Психология личности: переосмысление традиционных подходов в контексте вызовов современности // Психологические исследования. 2017. Т. 10, № 52. С. 1. URL: http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n52/1405-grishina52.html (дата обращения: 10.08.2018).

33. *Гусельцева М. С.* Смешанные методы в свете идеала постнеклассической рациональности // Психологические исследования. 2014. Т. 7, № 36. С. 5. URL: http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n36/1016-guseltseva36.html (дата обращения: 10.04.2018).

34. *Сергиенко Е. А.* Межпарадигмальные мосты // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 48. С. 4. URL: http://psystudy.ru/index.php/num/2016v9n48/1306-sergienko48.html (дата обращения: 20.10.2016).

35. *Асмолов А. Г.* От культуры полезности к культуре достоинства // Человек без границ. 2013. URL: http://asmolovpsy.ru/sites/default/files/ot_kultury_poleznosti_k_kulture_dostoinstva.pdf (дата обращения: 13.08.2018).

Статья поступила в редакцию 14 августа 2018 г.
Статья принята к публикации 13 сентября 2018 г.

Контактная информация:

Гусельцева Марина Сергеевна — д-р психол. наук; mguseltseva@mail.ru

Metamodernism in psychology: New methodological strategies and changes of subjectivity

M. S. Guseltseva

Russian Academy of Education Psychological Institute,
9, bldg. 4, Mokhovaya ul., Moscow, 125009, Russian Federation

For citation: Guseltseva M. S. Metamodernism in psychology: New methodological strategies and changes of subjectivity. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2018, vol. 8, issue 4, pp. 327–340. https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.402 (In Russian)

Modern transformations are traced in the new movements of philosophy and art. The basis of modernism was the classical rationality, producing logocentrism and universal discourse. Until the 20th century human development accompanied social optimism, belief in the orderliness of the world, progress and reason. Postmodernism has abandoned the totality of discourses; revived the principle of doubt; appealed to critical reason. However, postmodernism does not capture the current changes. Metamodernism observes the transformation of our time more accurately. The article analyses a methodological strategy of metamodernism that is new for psychological science, representing the oscillation between two poles, in particular, modern and postmodern, with simultaneous use of their representations and practices. The basis of the strategy is the principle of oscillation the methodological meaning of which is concluded in mutually agreed integration while at the same time releasing from rigid epistemological traditions. Overcoming linear and one-dimensional constructions metamodernism suggests using each of them situationally, in a local context, in the specificity of the case, while making the conceptual variety a flexible and basic tool for the researcher. A metamodernistic worldview constructs new images of a person. Psychological features of metamodern are described as virtuality, interactivity, digitalism, values of self-expression, respect for everyday life, sincerity and solidarity. These features separately conceptualised by different authors are to be understood as an integral world outlook of the epoch. As a methodological strategy, the metamodernism is viewed as a spontaneous response to the challenges of the complexity, the multidimensionality and transitivity of the modern world.

Keywords: methodology, changes, modern psychology, epistemological strategies, postmodernism, metamodernism, subjectivity, transdisciplinarity.

References

1. *Psikhologicheskoe znanie: sovremennoe sostoianie i perspektivy razvitiia* [*Psychological knowledge: current state and development prospects*]. Eds A. L. Zhuravlev, A. V. Yurevich. Moscow, IP RAN Publ., 2018. 716 p. (In Russian)

2. Vermeulen T., van den Akker R. Notes on metamodernism. *Journal of Aesthetics and Culture.* 2010, vol. 2, pp. 1–14.

3. Vermeulen T., van den Akker R. Utopia, Sort of: A Case Study in Metamodernism. *Studia Neophilologica.* 2015, vol. 87 (1), pp. 55–67.

4. *Metamodernism: Historicity, Affect, and Depth after Postmodernism*. Eds R. van den Akker, A. Gibbons, T. Vermeulen. London, Rowman & Littlefield Int., 2017. 304 p.

5. Grebenyuk A. A. Osnovy metamodernistskoi psikhologii [Fundamentals of metamodernist psychology]. *Metamodern: zhurnal o metamodernizme* [*Metamodern: Journal of Metamodernism*], 2017. Available at: http://metamodernizm.ru/metamodernism-psychology/ (accessed: 24.12.2017). (In Russian)

6. Turusheva Yu.B. O tendentsiyakh metamodernizma v narrativnom podkhode [On the trends of metamodernism in the narrative approach]. *Voprosy psikhologii,* 2018, no. 2, pp. 19–26. (In Russian)

7. Turner L. Metamodernism: A Brief Introduction. *Berfrois,* 2015. Available at: http://www.metamodernism.com/2015/01/12/metamodernism-a-brief-introduction/ (accessed: 24.12.2017).

8. Turner L. Metamodernism. *Manifesto,* 2011. Available at: http://www.metamodernism.org/ (accessed: 24.12.2017).

9. Abramson S. Ten Basic Principles of Metamodernism. *The blog,* 2015. Available at: http://www.huffingtonpost.com/seth-abramson/ten-key-principles-in-met_b_7143202.html (accessed: 24.12.2017).

10. *Metamodern: zhurnal o metamodernizme* [*Metamodern: Journal of Metamodernism*]. Available at: http://metamodernizm.ru (accessed: 14.08.2018). (In Russian)

11. Martin R. *Myshlenie v stile «I». Kak mysliat uspeshnye lidery* [*The opposable mind: how successful leaders win through integrative thinking*]. Moscow, Yurait Publ., 2016. 228 p. (In Russian)

12. Gusel'tseva M. S. Printsip razvitiia v sovremennoi psikhologii: vyzovy poliparadigmal'nosti i transdistsiplinarnosti [Principle of development in modern psychology]. *Razrabotka i realizatsiya printsipa razvitiya v sovremennoi psikhologii* [*Development and implementation of the principle of development in modern psychology*]. Eds A. L. Zhuravlev, E. A. Sergienko. Moscow, IP RAN Publ., 2016, pp. 31–51. (In Russian)

13. Psikhologiia neopredelennosti i vyzovy sovremennosti: Spetsvypusk [Psychology of uncertainty and challenges of the present: Special issue]. *Psikhologicheskie issledovaniia* [*Psychological Studies*], 2015, vol. 8, no. 40. Available at: http://psystudy.ru (accessed: 09.08.2018). (In Russian)

14. Martsinkovskaya T. D. Sovremennaia psikhologiia — vyzovy tranzitivnosti [Modern psychology — challenges of transitivity]. *Psikhologicheskie issledovaniia* [*Psychological Studies*], 2015, vol. 8, no. 42. Available at: http://psystudy.ru (accessed: 11.08.2018). (In Russian)

15. Kirby A. *Digimodernism: How New Technologies Dismantle the Postmodern and Reconfigure Our Culture.* New York, London, Continuum, 2009. 282 p.

16. Kirby A. The Death of Postmodernism and Beyond. *Philosophy Now. A magazine of ideas,* 2006, iss. 58, Now/Dec. Available at: https://philosophynow.org/issues/58/The_Death_of_Postmodernism_And_Beyond (accessed: 18.01.2018).

17. *Supplanting the Postmodern: An Anthology of Writings on the Arts and Culture of the Early 21st Century*. Eds D. Rudrum, N. Stavris. New York, Bloomsbury Academic, 2015. 336 p.

18. Eshelman R. Performatism, or the End of Postmodernism. *Anthropoetics: The electronic Journal of Generative Anthropology,* Fall 2000, Winter 2001, vol. 6, no. 2, pp. 1–17. Available at: http://xa.yimg.com/kq/groups/19978873/351370576/name/Performatism,+or+the+End+of+Postmodernism.pdf (accessed: 21.05.2017).

19. Samuels R. Auto-Modernity after Postmodernism: Autonomy and Automation in Culture, Technology, and Education. *Digital Youth, Innovation, and the Unexpected.* Ed. by T. McPherson. Cambridge, MA, The MIT Press, 2008, pp. 219–240.

20. *Psychology and postmodernism*. Ed. by S. Kvale. London, Sage Publ., 1994. 240 p.

21. Bychkov V. V., Man'kovskaya N. B. Postmodernizm kak paradigma: konets ili nachalo? [Postmodernism as a paradigm: the end or the beginning?]. *Ot iskusstva ottepeli k iskusstvu perioda raspada imperii* [*From the art of the Thaw period to the art during the collapse of the empire*]. Ed. by N. A. Khrenov. Moscow, Gosudarstvennyi institut iskusstvoznaniia Publ., 2013, pp. 629–661. (In Russian)

22. Gusel'tseva M. S. Esteticheskaia paradigma i transformatsii povsednevnosti: metodologicheskie aspekty [Aesthetic paradigm and everyday life transformations: methodological aspects]. *Psikhologicheskie issledovaniia* [*Psychological Studies*], 2018, vol. 11, no. 60. URL: http://psystudy.ru (accessed: 15.08.2018). (In Russian)

23. Epshtein M. N. De'but de siecle, ili Ot post- k proto-. Manifest novogo veka [De'but de siecle, or From post-to proto-. Manifesto of the New Century]. *Znamya*, 2001, no. 5. Available at: http://magazines.russ.ru/znamia/2001/5/epsh.html (accessed: 17.05.2017). (In Russian)

24. Inglkhart R. *Kul'turnaia evoliutsiia: kak izmeniaiutsia chelovecheskie motivatsii i kak eto meniaet mir* [*Cultural Evolution: How People's Motivations are Changing and How this is Changing the World*]. Moscow, Mysl' Publ., 2018. 347 p. (In Russian)

25. Moroz O. V. "Ia schitaiu internet pravom, moi roditeli — skoree zavisimost'iu". *Gazeta.Ru,* 2017. Available at: https://www.gazeta.ru/comments/2017/08/18_a_10837418.shtml (accessed: 11.08.2018). (In Russian)

26. Shul'man E. M. Iskusstvennyi intellect — strashnaia tsel' chelovechestva [Artificial intelligence is the terrible goal of mankind]. *TV Kul'tura,* 2017. Available at: https://www.youtube.com/watch?v=QakmezfpWbc&frags=wn (accessed: 10.08.2018). (In Russian)

27. Altermodern: A Conversation with Nicolas Bourriaud. *Art in America,* 2009. Available at: http://www.artinamericamagazine.com/news-features/interviews/altermodern-a-conversation-with-nicolas-bourriaud/ (accessed: 24.05.2017).

28. Bourriaud N. Altermodern. *Tate Triennial,* 2009. Available at: http://dnwilliams.com/altprod/readings/bourriaud_altermodernism.pdf (accessed: 24.05.2017).

29. Interv'iu s Robinom van den Akkerom [Interview with Robin van den Akker]. *Metamodern: zhurnal o metamodernizme* [*Metamodern: Journal of Metamodernism*], March, 2017. Available at: http://metamodernizm.ru/robin-van-den-akker/ (accessed: 20.05.2017). (In Russian)

30. Bazargani D. T., Larsari V. N. 'Postmodernizm': mozhet li sovremennaia situatsiia byt' opisana terminom 'postmodern'? Referativnyi obzor postmodernizma i ego kritiki v sovremennykh didakticheskikh programmakh ["Postmodernism": Is the Contemporary State of Affairs Correctly Described as 'Postmodern'?]. *Zhurnal 'Gefter',* 2015. Available at: http://gefter.ru/archive/14194 (accessed: 20.05.2017). (In Russian)

31. Schauer F. Transparency in Three Dimensions. *University of Illinois Law Review,* 2011, vol. 4, pp. 1339–1358.

32. Grishina N. V., Kostromina S. N. Psikhologiia lichnosti: pereosmyslenie traditsionnykh podkhodov v kontekste vyzovov sovremennosti [Psychology of personality: a rethinking of traditional approaches in the context of modern challenges]. *Psikhologicheskie issledovaniia* [*Psychological Studies*], 2017, vol. 10, no. 52. Available at: http://psystudy.ru (accessed: 10.08.2018). (In Russian)

33. Gusel'tseva M. S. Smeshannye metody v svete ideala postneklassicheskoi ratsional'nosti [Mixed methods of research in the light of the ideal of postnonclassical rationality]. *Psikhologicheskie issledovaniia [Psychological Studies]*, 2014, vol. 7, no. 36. Available at: http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n36/1016-guseltseva36.html (accessed: 10.04.2018). (In Russian)

34. Sergienko E. A. Mezhparadigmal'nye mosty [Cross-paradigmatic bridges]. *Psikhologicheskie issledovaniia* [*Psychological Studies*], 2016, vol. 9, no. 48. Available at: http://psystudy.ru/index.php/num/2016v9n48/1306-sergienko48.html (accessed: 20.10.2016). (In Russian)

35. Asmolov A. G. Ot kul'tury poleznosti k kul'ture dostoinstva [From culture of usefullness to culture of dignity]. *Chelovek bez granits* [*Human without borders*], 2013. Available at: http://asmolovpsy.ru/sites/default/files/ot_kultury_poleznosti_k_kulture_dostoinstva.pdf (accessed: 13.08.2018). (In Russian)

Received: August 14, 2018
Accepted: September 13, 2018

Author's information:

Marina S. Guseltseva — Dr. Sci. in Psychology; mguseltseva@mail.ru